В диссертационный совет 24.2.336.03, созданный на базе ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Егорова Андрея Николаевича «Множественность лиц в преступлении: уголовно-правовая оценка», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Неясность многих категорий, используемых в главе 7 УК РФ, а также в нормах Особенной части, в том числе наделивших признаками самостоятельного состава некоторые деяния, до того признававшиеся соучастием в преступлении, равно как и неотражение в законе ряда субинститутов множественности лиц в преступлении (совместное участие в преступном посягательстве без двусторонней субъективной связи, вменение признака группы лиц при совершении деяния с лицом, не подлежащим уголовной ответственности, неосторожное сопричинение вреда и др.) приводит к многочисленным сложностям применения уголовного закона.

Высший судебный орган не раз обращался к соответствующим вопросам при выражении правовой позиции в постановлениях Пленума, утвержденных Президиумом Обзорах судебной практики и Ответах на вопросы судов, представители доктрины также постоянно держат их в сфере своего внимания. Но приемлемых решений большинства проблем до сих пор не знает ни судебная практика, ни уголовный закон.

С учетом сказанного тему предпринятого А.Н. Егорова исследования следует признать безусловно актуальной.

Творческий, самостоятельный характер диссертационного исследования,

обращение автора к значительному числу литературных источников, анализ ведущихся в науке дискуссий с вынесением на обсуждение сложных с точки зрения теории проблем, и, главное, выработка на этой основе собственных подходов к решению задач правоприменения и законотворчества позволяют говорить о ***научной новизне*** рецензируемого труда. Умелое использование автором методологического аппарата, оригинальность основанных на результатах научных поисков решений дает основание заключить, что в работе освещена ***важная научная проблема,*** имеющая к тому же несомненную ***практическую значимость.***

Подход к определению структуры работы представляется методологически верным, позволяющим логично, последовательно изложить выявленные диссертантом проблемы и их решения.

В первой главе показано развитие теории множественности лиц в преступлении в науке уголовного права и ее воплощение в законодательстве разных периодов. Глава вторая посвящена видам множественности лиц в преступлении, как отраженных в отечественном уголовном законе, так и не нашедших в нем отражения. В третьей главе рассмотрены вопросы множественности лиц в преступлении и прикосновенности к преступлению и отграничения множественности лиц от смежных уголовно-правовых категорий.

Исследование хорошо научно оснащено и построено на прочном эмпирическом фундаменте.

Большинство выводов диссертанта и приведенных в их обоснование доводов заслуживает поддержки, в их числе отмечу следующие.

1. Понимание множественности лиц в фактическом и уголовно-правовом аспектах. Это позволяет отнести к множественности в ее фактическом аспекте в том числе совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в

силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, а также совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления.

2. Выделение двух видов неосторожного причинения, разнящихся по степени общественной опасности (положение 7): связанным со смежными, так сказать, обязанностями, которые лица не исполнили, причинив вред по неосторожности, и тем, «где единый преступный результат наступает вследствие случайного совпадения независимых нарушений или в результате дополнительного внешнего воздействия (случайное)».

3. Неотнесение ко множественности лиц в преступлении прикосновенности к преступлению, параллельного соисполнительства, процессуального соучастия.

4. Признание самостоятельной ответственности лиц, совершающих преступление при необходимом соучастии, «отклонением от модели соучастия, где действия всех соучастников, как правило, квалифицируются по одной статье Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ» (с. 100). Указание на частичную компенсацию такого подхода так называемым процессуальным соучастием.

5. Признание необходимости именно двусторонней связи соучастников, что исключает вменение группы лиц, тем более – по предварительному сговору, отвечающему признакам субъекта лицу, совершившим преступление с лицом, заведомо не могущим нести уголовную ответственность. А поскольку, пишет автор, негодный субъект не подлежит уголовной ответственности, его фактическое участие в совершении преступления качественно преобразует деяние, значительно повышая его общественную опасность по сравнению с преступлением, совершенным в одиночку (с. 141), диссертант предлагает изменить уголовный закон, указав на соучастие как совместное умышленное участие и т.д. только лиц, подлежащих уголовной ответственности, а также «изложить п. «в» ч. 1 ст. 63

УК РФ в новой редакции: «совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, а также с лицом (лицами), не подлежащим(-щими) уголовной ответственности» (с. 195).

6. Присоединение к предшествующей преступной деятельности вне соучастия автор правильно рассматривает не как форму множественности лиц, а как последовательное совершение самостоятельных преступлений (с. 178).

7. Очень точно диссертант заключает, что параллельное исполнительство характеризуется множественностью самостоятельных, юридически обособленных преступных результатов. Каждый из параллельных исполнителей своими действиями причиняет свой собственный, отделимый от других вред. Определяющим специфику параллельного исполнительства является то, что только лишь временное и территориальное совпадение фактов совершения преступлений несколькими лицами не является достаточным критерием для констатации юридически значимой множественности лиц (с. 179 и далее).

Вполне основательно и большинство иных выводов диссертанта, а также их аргументация.

Вместе с тем работа не свободна от ряда спорных утверждений, которые, как представляется, стали следствием сложности диссертационной проблематики.

1. Неточность видится в том утверждении, что на фактическом уровне множественность охватывает любое объективное стечение двух или более лиц в совершении одного преступления; в уголовно-правовом смысле – только те виды, которые нашли отражение в действующем уголовном законе (положение 3). Однако посредственное причинение в законе отражено, однако в уголовно-правовом смысле преступление совершается всего одним лицом. В фактическом же смысле, да, множественность лиц усматривается.

С одной стороны, автор относит к закрепленным в законе видам множественности и посредственное причинение (положение 4), но с другой, пишет, что в данном случае преступление совершается именно «при **фактическом** (выделено мной. – П.Я.) участии нескольких лиц» (положение 6).

2. Автор относит сопричинение вреда в преступлениях с двумя формами вины к видам множественности лиц в преступлении, не закрепленным в законодательстве (положение 4). Но почему к этому случаю не относится определение соучастия как умышленного участия в умышленном же преступлении, раз ст. 27 УК РФ называет такое преступление в целом умышленным?

3. Почему автор исключает из категории множественности лиц в преступления и, тем более, из соучастия совершение преступления несколькими лицами, оправдывающими терроризм (положение 10)? Обоснование данной позиции на стр. 182 и 183 тем, что это деяние не может считаться прикосновенным к терроризму, не объясняет невозможность совершения данного преступления более чем одним лицом.

4. А.Н. Егоров пишет: «законодатель, дифференцируя ответственность за создание, руководство и участие в организованной группе или преступном сообществе, выходит за рамки института соучастия, в котором действия соучастников направлены на совершение конкретного преступления и соответствуют определенным ролям – исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника. Участие в рассматриваемых преступлениях представляет собой особый вид множественности лиц в преступлении, в котором участник не обязательно совершает действия, образующие объективную сторону какого-либо конкретного преступления; он несет уголовную ответственность за сам факт вхождения в преступную структуру и содействие ее функционированию» (с. 117).

Но если понимать, как это предписывает высший суд, под участием в преступном сообществе и даже только выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества, не связанную с разработкой планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственным совершением указанных преступлений, то такое совместное участие вполне вписывается в понятие соучастия.

5. Автор поддерживает точку зрения об ограниченном понимании пособничества, не исследуя в то же время обширную судебную практику (с. 123), которая трактует этот вид соучастия намного шире (самое заметное здесь исследование позиций судов: Ображиев К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3. Но эту работу диссертант не изучал).

6. Автор, верно отрицая в приведенном далее случае соучастие, не усматривает состава в действиях лица, оказывающего содействие причинителю вреда: «сотрудник А. знает, что его коллега Б. планирует похитить у руководителя документы, содержащие сведения, составляющие коммерческую тайну, путем копирования большого массива данных с сервера компании. А., имея собственные мотивы для нанесения вреда компании, тайно отключает на сервере специфический протокол безопасности, который должен был бы зафиксировать аномально крупный исходящий трафик и уведомить службу безопасности. Б. благодаря этим действиям успешно завладевает информацией, полагая, что ему просто повезло обойти защиту, и не догадывается о содействии со стороны А. Если в ходе расследования будет установлено, что именно сотрудник А. умышленно отключил протокол безопасности, чтобы помочь сотруднику Б. совершить хищение (?), но Б. об этом не знал, правоприменитель столкнется с проблемой, которая в рамках действующего законодательства не имеет решения. Действия А. сами по себе не образуют отдельный состав

преступления, так как, отключая протокол безопасности, он действовал в рамках своих должностных полномочий, что исключает состав неправомерного доступа к информации (ст. 272 УК РФ), и его деяние само по себе не повлекло последствий, необходимых для квалификации по иным статьям главы 28 УК РФ, приобрели общественную опасность только после совершенного Б. преступления» (с. 130).

В содеянном, однако, усматриваются признаки должностного или служебного (автор называет «А» должностным лицом) злоупотребления, если контроль за работой сотрудников можно будет отнести к организационно-распорядительным полномочиям, выполняемым «А» в организации. Возможна при наличии к тому оснований квалификация и по ст. 274 УК РФ, которая предусматривает ответственность и за такое нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, которое повлекло в том числе модификацию либо копирование компьютерной информации (если этим причинен крупный ущерб).

7. Поддерживая, как указано выше, идею о выделении двух видов неосторожного сопричинения, считаю не вполне удачными их иллюстрацию. В первом случае, пишет диссертант, «обязанность действовать согласованно была обусловлена включенностью сотрудников в единый производственный цикл. Генеральный директор и начальник участка являются лицами, функционально связанными в рамках системы обеспечения безопасности на производстве. Бездействие вышестоящего должностного лица (директора) создало объективные условия, при которых последующее нарушение со стороны нижестоящего ответственного лица (начальника участка) повлекло наступление преступного результата» (с. 148). «Иная картина, продолжает А.Н. Егоров, наблюдается, например, при дорожно-транспортных происшествиях (далее – ДТП), демонстрирующих случайное стечение независимых неосторожных действий. Так, водитель Е.В., совершая поворот

налево на перекрестке, не уступил дорогу автомобилю под управлением водителя А.А., который двигался во встречном направлении прямо на желтый сигнал светофора с превышением скорости. В результате столкновения автомобиль Е.В. отбросило на тротуар, где он совершил наезд на двух пешеходов, один из которых погиб, а второй получил тяжкий вред здоровью» (с. 149).

Однако представляется, что оба примера характеризуют сходную степень общественной опасности, когда оба сопричинителя действуют в обстановке, повышенная опасность которой создана действием соответствующего источника: производственная деятельность, дорожное движение, автомобиль как источник повышенной опасности. Поэтому второй случай следовало бы описать как сопричинение вреда, когда оба виновных действовали вне подобной обстановки.

Как видно из приведенных замечаний, отмеченные спорные положения не влияют на положительную оценку рецензируемого труда, представляющего собой самостоятельное творческое исследование серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и непосредственное прикладное значение. Изложенное позволяет заключить, что выводы и положения, сформулированные диссертантом в процессе исследования, научно обоснованы, опираются на солидный теоретический фундамент, содержат бесспорный вклад в доктринальную разработку проблемы, а также достоверны.

Выводы

1. Диссертация Егорова Андрея Николаевича «Множественность лиц в преступлении: уголовно-правовая оценка» является научно-квалификационной работой, содержащей решение задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права, что соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (далее –

Положение о присуждении ученых степеней).

2. Диссертация соответствует критериям, установленным п. 10 Положения о присуждении ученых степеней.

3. Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях, что соответствует п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней.

4. Автор диссертации Егоров Андрей Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности научных работников 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ
Яни Павел Сергеевич
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», научная специальность 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)
Адрес: 119991, ГСП-1, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1,
корп. 13-14 (4-й учебный корпус), ауд. 429а, 430а
Тел.: 89
E-mail: pavel_yani@rambler.ru

_____/подпись/

«4» мая 2026 г.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ПОДПИСЬ Яни П. С.
УДОСТОВЕРЯЮ
04.06.2026